

carinetta

ORE

16+

Carinetta Оре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623086

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90644-0

Аннотация

Когда я не нахожу фильм, который всем сердцем хотела бы посмотреть – он снится мне во сне. В невероятных, почти несуществующих цветах и звуках. Все иллюстрации в книге и рисунок обложки сделаны мной по воспоминаниям об этом чудесном сериале – в моих снах и фантазиях.

Содержание

Предисловие	4
Первое видение	5
Время спустя	9
Ещё пару дней спустя	12
Оре	16
Гроттоскам	21
Утрата	25
Меч	30
Землистое царское ложе	32
Находка	37
Расправа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Carinetta Оре

Предисловие

Клянусь! Я видела всё это собственными глазами! Во сне...

Синяя простынь – это озеро сна. Я ещё вижу комнату, но с каждым шагом под тину-одеяло всё глубже проваливаюсь в сновидение. Почему-то мои веки тоже стали синими и жидкими, как огонь в конфорке. Я закрываю ими глаза – и меня накрывает синей волной с головой! На дне меня ждёт...

Первое видение

Паршивая лачуга старого кузнеца. Бедная кузница. В углу жиденький стог сена, и на нём – плешивая шкура, чтобы было на чём спать. Дом и всё хозяйство уже давно отобрали. Кузнец запер двери и ставни и ждал своего часа. Сбежать он не успел – в кузнице спал мальчуган, за которым кузнец и вернулся, почуяв зловонный запах тюрьмы и гильотины. Но не успел вновь покинуть лачугу вместе с сыном. А теперь он заперт – и за ним пришли. Всё, что осталось с ним взаперти, – крупные долги и маленький сын от погибшей ещё при родах жены.

Королевская стража грозно била в дверь:

– Вылезай, паразит!

Ха. Стук в дверь. Перед тем как убить хозяина! Разве это дань вежливости? Это была часть пытки. Сейчас здоровяки жадно объедались чужим страхом. Ведь больше с кузнеца взять было нечего. Кроме сына. Это всё, чем он теперь мог отплатить казне: сыном и страхом.

Стены лачуги затряслись от увесистого боя, и валящая с потолка пыль окрасила в серый пробившиеся сквозь ставни лучи. Бежать уже некуда – только на тот свет. И это едва ли не лучше, чем в крепкие объятья правосудия!

Бой усилился, и сквозь треск ломающейся двери, точно струя из раны, пробился ещё один луч. У отчаявшегося отца

в ответ хлынули слёзы. Он прижимал к себе сына, завернутого в грязный плед. Сын, как нарочно, спал глубоким сном, будто уже был мёртв.

Кузнец крепко поцеловал сына, не глядя на пробоину в двери и уже ворвавшиеся сквозь неё мясистые руки и брань. Вдруг кузнеца осеняет: он решает бросить ребёнка в пламенный горн с ещё горячей рудой. Мальчуган часто помогал ему разжигать и раздувать печь. Вот и этим утром маленький сын по наказанию уходившего на пристань отца набросал дров и здорово растопил печь. Да вот только заждался отца и уснул.

Кузнец с яростью бросается с сыном к печи – только не отдавать его на растерзание королю! Горько прижав к себе на прощание чумазого мальчишку, кузнец бросает его в горящую руду и вслед за сыном льёт горячие слёзы в кипящий горн.

Болваны врываются в лачугу. Сносят куцые обломки мебели на пути, хватают и больно бьют пожилого мужчину. Двое верзил ищут ребёнка.

– Где сопляк?! – Главный головорез поднимает окровавленного кузнеца за жилет и бьёт того в рожу.

– Он умер, говорю вам! Разве вы не видите слёз моих? Под кровью слёзы – говорю вам! Я оставил его одного, а когда вернулся, было слишком поздно! Мальчик упал в горн!

– Врешь, гад! – и дал кузнецу хорошенько под дых. – А заперся для того, чтобы поплакать?! Говори, где сопляк, не

то не поздоровится ему, когда разыщем!

— Говорю вам! — кашляя и плюясь кровью, кряхтел кузнец, не поднимая головы. — Я хотел успеть похоронить сынишку! Поглядите же сами в горн! Он там, там! — Скованный по рукам и ногам кузнец метнул подбородок в сторону печи. — Только не глумитесь над его безгрешным телом, умоляю! Позвольте похоронить его, как велит наша корона!

Внезапно наступила тишина. Главный головорез кивком отправил младшего подаваку заглянуть в горн. Тот с ленивым видом нехотя поплёлся к горну, но на самом деле жутко трусил перед видом обугленной плоти. Он ещё раз оглядел нагло щерящихся товарищей и потянулся носом к жерлу.

В нём всего-навсего мягко и спокойно светились куски плавающей руды. Младший помощник расслабился. Облегчённый вид этого трусливого подаваки был дурным признаком для старшего стражника.

— Так я и знал, гад, нет там никого! — и принялся со всей дури пинать в живот кузнеца.

Тут печь начала дымиться, будто её раздували невидимые мехи. Печь принялась трястись, потом зашаталась, всё сильнее и сильнее, пока не зашагала прочь со своего места. В конце концов гремящая и воющая печь отвлекла головорезов от битья кузнеца и здорово напугала всех, включая его самого.

Горн ходил ходуном по всей лачуге и рычал. Здоровяки быстро расступились, когда горн вдруг потерял равновесие и повалился набок. Головорезы забились в углы со страху,

и из поваленного жерла с рёвом выпрыгнуло светящееся существо, похожее на горящий камень. Существо зарычало на болванов, выломало ставни и выпрыгнуло в окно прочь.

Время спустя

– Ну и куда мы тащимся?

– За талисманом.

– Я уже с десяток ташу на своей спине, садовая твоя башка!

Озорной Юм и угрюмый Дюм шагали по каменистому лесу с тяжёлыми рюкзаками.

– Это до твоего первого привала. И обеда.

– Э! Я просто должен раз в час что-то есть, иначе меня лихорадит, ясно? Так ты расскажешь мне план?

– Я уже говорил, что его нет!

– То есть мы просто идём? Куда глаза глядят?

– Да.

– Так зачем мы тащимся?

– За талисманом!

– Чёрт бы тебя побрал! Стой. Дай-ка передохнуть. – Юм скинул рюкзак на землю. – Что-то плечо всё ещё ноет после лука.

– Ты же не умеешь стрелять!

– А я говорю: стреляли мы по ночам, пока ты спал! И я даже попал!

– Себе в плечо?

– Нет, в самое яблочко! На макушке твоей Ирэи. Что ты на это скажешь, а?

– Вы и её в свою заварушку втянули?

– Да, и представь – она мне доверяла! Кстати, ни единым словом о тебе не обмолвилась!

– Мне нет дела.

– А твои пылающие щёки говорят, что есть! Так что там тебе тётушка Келла наплела? Здесь-то уже безопасно для тайн?

– И у сосен есть уши!

– Знаешь что, уши всюду! Много, тысячи ушей! Да только мои уже горят от нетерпения! Выкладывай!

Дюм достал табакерку, присел на булыжник и начал:

– Плохи дела наши. Всю долину разорят! Ни одной деревушки не оставят! Тётушка говорит, Гида готовит свою армию к войне. И нас, как ближайших к Гроттоскаму, разграбят первыми! Говорит, талисман нужен! Он нас и защитит, если нападут. И скроет так, что не найдут. И хлебом обеспечит, если голодом заморят. Но вот только его самого, этот талисман треклятый, нужно будет отобрать! Если защищён – завоевать. Если спрятан – найти!

– А если голоден – накормить?

– Тебе видней!

– Эка сказочка! Я так всякому могу голову запудрить и послать к пиратам за русалками!

– Тётушка также сказала, что мы с тобой можем его узнать!

– Вот уж почесала так почесала! Не смейся: ты да я? Ну,

ты ещё более-менее с приветом, а я-то даже из лука стрелять не умею!

– Ага! Значит, не стрелял ты в Ирэю!

– Нет! И ещё она спрашивала о тебе! Почему это ты не шатаешься вместе с нами по ночам! Один раз всего пришла, о тебе спросила и как испарилась с тех пор! И что это она в тебе разглядела, в чудаке-то?!

– То же, что и Келла! В её глазах мы с тобой друг друга стоим. Думает, как пить дать: подерёмся, кубарем покатимся да и угодим мордами в несчастный талисман!

– А он тут как тут уже тёпленький, разгорячённый нашей битвой! Попался, дурачок! Ха-ха! Так всё и будет, Дюмито! Ура! Чего расселся? Побежали! Трепещи, талисманишка!

Юм подпрыгнул, забросил себе на спину рюкзак, руки в боки, огляделся: «Туда!» – и уверенно зашагал.

Дюм только было согрел камень под собой. Он обречённо подкинул свою сумку и двинулся за неугомонным братом. И ещё долго выслушивал его громкие угрозы талисману.

Ещё пару дней спустя

Как-то раз двое путников устроили привал в утыканной камнями чаще.

– Ну и что мы будем есть? – негодовал Юм, пнув пустой рюкзак.

– Сперва передохнём. После придумаем, где бы раздобыть еды.

– И как это думать – на голодный желудок?! Он урчит уже громче меня!

– Так вот, может, тебе заткнуться да послушать свой живот?! Готов поспорить – он и то больше дела скажет, чем ты!

– Ты покойник, братец!

Юм подскочил, чтобы наброситься на Дюма, да угодил пяткой в обрыв и свалился вниз.

Дюм схватил сумки, поспешил за братом. Холм был невысокий и оказался потолком входа в пещеру. К ней-то и приземлился Юм и здорово бы ушибся, да по пути шмякнулся на какой-то большой и тёплый камень, которого теперь, когда Юм поднял голову, у входа в пещеру уже не было.

– Цел?

– Не дождёшься! Жить буду.

– Дай-ка погляжу.

– Ерунда! Царапина.

– А мог бы хребет поломать! Легко отделался, везунчик!

– Это всё камень...

– Какой ещё камень?

– Большой, тёплый и мягкий. Я на него упал!

– Кажись, поспешил я обрадоваться... Ты умом не ушибся?

– Да говорю тебе! Он стоял вон там, у входа!

Братья дружно посмотрели на пустое место.

– Юм, ты только не нервничай.

– Думаешь, я дурачок?

– Ты всегда им был, но вот отныне – только не нервничай.

– Да, кажется, я вспомнил, что там, наверху, мы не закончили! Ну, всё, защищайся!

Юм, пошатываясь, вскочил. Дюм недоверчиво попятился.

– Так, по-твоему, я камешек?!

Двое братьев услышали рычащий голос у входа в пещеру и резко повернули головы.

– Это он! – с блаженной улыбкой произнёс Юм.

У входа и впрямь сидело здоровенное чёрное чудище, похожее на фигуру из каменных мускулов. Чудище смотрело на них неподвижно и вдруг встало и выпрямилось.

Это была двухметровая каменная глыба. Точно чёрный, выжженный пожаром кусок земли. Только с руками и ногами. И сердитым светящимся жёлтым взглядом. Очень сердитым.

– Стоило мне выйти поутру, чтоб полюбоваться на рассвет, как вместо рассвета мне с неба на голову валится ка-

кой-то болван! Ещё и камнем обзывает!

Братья застыли с раскрытыми ртами. Даже Юм не находил, что ответить. Он был по-глупому счастлив и обезоружен одновременно.

– Видать, прав твой дружок! Не просто так тебя с неба вытурили – умом ты и до удара о мою несчастную голову не выделялся!

Дюм разглядел в глубине угольного каменного лба два яростно горящих янтарно-огненных глаза.

– Чего застыли? Да это вы окаменели! Ха! А ну проваливайтесь! А не то увидите, как быстро камни умеют бегать и лупить!

– Простите нас, сэр, – произнёс виновато очарованный Дюм, ткнул в плечо точно влюблённого Юма, подхватил обе сумки – и оба поспешили прочь.

– И не попадайтесь мне! – прорычал здоровяк им вслед. – И передайте Гииде, что впредь я перебыю и отправлю в ад всех её гонцов!

Братья долго бежали молча. Так же молча присели отдыхаться. Юм, всё ещё очарованный, спросил:

– Ты видел?

– Змеиные янтарные глаза?

– Нет! Его сердце. Сперва он был весь – с ног до головы – чёрный. Но чем сильнее он злился, тем больше светилась сквозь каменные трещины его грудь, будто разгоралась где-то внутри.

Оре

Каменные почвы здешних лесов издревле были изъедены гигантскими червями хитириями. Их прозвали так из-за жуткого писка, издаваемого на «Хи-ти-ри-и-и-и!». Эти чудовища-людоеды уничтожили не одну деревню. Спустя много страшных лет люди научились убивать хитирий ядовитыми копьями, когда стало известно, что черви не переносят ягоды тёрна. Зато хитирийское мясо высоко ценили иноземцы, и, продавая его за баснословные деньги иностранцам, деревни выжили и расцвели.

Совсем скоро насмерть забили последнюю хитирию, и больше никто из людей ни одного червя-убийцу ни разу не встретил.

Но зловещие пещеры с бесчисленными следами мелких острых зубов остались дурным напоминанием об опасности и обоюдной жестокости.

Этими пещерами были щедро изрезаны здешние земли. В них по-прежнему никто лишний раз не совался. Всякому ли понравится шататься в таком месте! Хитирийские пещеры стали заселять лишь изгнанники, бандиты и чудища. Со временем они построили целые подземные города, а позже соединили их в Империю и называли Гроттоскам. Так что под расцветающим королевством Нильбертилль жил и разрастался гнойник – ад при жизни, куда можно было попасть ещё

до смерти. Да и из этого ада можно было угодить прямоком лишь в ад настоящий: уж если ты попался гроттоскамцам, живым тебя не оставят точно. А перед собственной смертью тебя заставят вытворять такое, что сам дьявол, встречая убитых у врат в преисподнюю, сгорает со стыда.

Но Оре жил в обычной каменной пещере посреди леса, когда-то тоже густо заселённого червями-людоедами. Пещера была высокой, так что Оре мог с утра потянуться во всю силу. Со своим прудиком внутри и подземной речкой, так что он мог принимать бодрящие ванны хоть весь день напролёт во время зноя и засухи. Люди не посягали на его убежище из-за страха перед пещерами Гроттоскама и свирепыми зверями здешних лесов. Но никакой связи с хитирийскими пещера Оре не имела: это был обычный каменный грот, изъеденный разве что червями времени. Да и звери Оре не трогали: он был для них несъедобен да к тому же слишком могуч и силен. Одни его боялись, другие были единственными верными друзьями одинокого здоровяка Оре. Он был отшельником и не желал подчиняться ни королеве Нильбертилле Дергуне, ни царице Гроттоскама Гииде. Первая желала видеть в нём любовника и не раз отправляла Оре открытки с приглашением в королевскую постель и даже во дворец с собственной опочивальней. Однажды златовласая и зеленоглазая Дергуна не только пожелала, но и пожалела Оре: она подъехала к пещере в королевской карете и предложила Оре службу и пропитание. Но Оре, как бы он ни страдал от оди-

ночества, от собственной нелюдимости, от вида и форм своего тела, подчиняться Дергуне не пожелал. Не желал ни минуты подчиниться в первую очередь людским правилам хорошего тона и вежливости. Ему понравилась Дергуна – с золотыми кудрями, маленькими пронизательными глазами и в коралловом платье – великодушная королева, которая даже не упрекнула ни разу Оре за отказы. Он был бы рад увидеть её ещё и ещё и хоть каждый час не отводить от неё своих горящих глаз. Когда Дергуна заговорила с ним ласково, Оре взял да и заплакал, не слышавший никогда доброе человеческое слово – без ругательств, заискивания или насмешек. Никто не говорил с ним как с равным: его или боялись, или пытались подчинить. От неожиданных сильных чувств Оре неловко замахнулся и случайно врезал королевскому пажу. Хотя никто на него тогда не рассердился, и даже подбитый паж, Оре ясно и больно увидел пропасть между ним – неуклюжим носорогом – и благочестивой прекрасной королевой. Он был готов ради неё научиться держать вилку как шпагу и шпагу – как вилку. Для неё выучить танец. Ей сказать ласковое слово. Но Оре отказывался делать всё это и для сотни придворных, чуждых ему людей – не по желанию, а по правилу хорошего тона. И Оре остался в своей пещере. Один.

Но царицу Гроттоскама Гииду неподчинения Оре приводили в ярость.

Он жил в пещере, по её же мнению, все пещеры здешних лесов принадлежали ей и подчинялись только ей. Оре не платил дань ни деньгами, ни уж тем более почестями. Грубо отказывался от работы и прислуживания, отмахивался от угроз быть заточённым в местном балагане.

Оре ещё не знал, что его дерзость дорого ему обойдётся. И вскоре после встречи двух безобидных путников за ним пришли настоящие люди Гииды. Отравить сонной травой и утащить спящего Оре впятером было не так уж и трудно опыт-

ным бандитам. Оре был гораздо уязвимее, чем он о себе думал.

Гроттоскам

Огромная городская площадь в глубинах земли. Тьма, кишашее море галдящих уродцев и ни капли солнечного света. Оре очнулся на возвышенности посреди площади – круглой каменной плите для казни. Впереди он увидел каменный мостик, в конце моста – ступеньки вверх, и над ними был грубо отлит чугунный трон. На нём сидела Гида.

Замутнённым взглядом Оре различил под собой толпу безобразных уродов, улюлюкавших ему и жаждавших чего-то грандиозного. Они вытаскивали из ноздрей свои длинные зелёные сопли, наматывали их на пальцы и вертели ими в воздухе. По местным традициям это был посыл смертнику, означавший: «Жизнь твоя держится теперь на соплях! Ставлю на то, что она оборвётся быстрее, чем сопля на моём пальце!»

Оре понял, что стоит, растянутый звездой, а руки и ноги его были крепко закованы в толстые цепи. Он поднял глаза на Гииду.

Одежды на ней не было. Вместо этого Гида с ног до головы была вымазана испражнениями казнённых здесь ранее: выше пояса обмазана тем, чем жертвы обгадились от страха и пыток, ниже – тем, что вышло из тел уже после смерти. Наряд свой она обновляла с каждой публичной казнью.

– Самый настоящий вечерний туалет, – цепляясь за созна-

ние, шепнул себе Оре.

Шея, руки и ноги Гииды были украшены ожерельем и браслетами из дохлых змей.

– Дергуна уже лишила тебя невинности? Или мне лишить её этого удовольствия, – Гиידа потянулась вперёд, – лишив тебя твоего сладкого СТРУЧКА-А-А-А-А?! – Гиידа завизжала, вытащив язык и выкатив свои жуткие чёрные глазища, так что уроды бешено заорали и заликовали. Жирный хряк в рогатом шлеме с восторгом и хрюканьем забил копытами в барабан.

Бешено срывавшиеся с пальцев сопли то и дело прилетали Оре в физиономию. От злости и ужаса он стал раскаляться. Его грудь осветила гигантский ржавый топор, воткнутый в камень перед ним. Топор палача.

– Убей меня сразу, – пробормотал Оре. Уроды неодобрительно заулюлюкали.

– Этого просит всякий трус, страшась моих пыток! Бедный мой Оре! – Гиידа раскрыла свою огромную челюсть, поднесла к ней запястье и гнилыми зубами откусила голову одной из дохлых змей на своей руке.

– Ну, право! Что ещё я могу с тебя взять, кроме твоей нищенской плоти?! – визжала истерическим голосом царица.

Уроды радостно загоготали, затанцевали в ожидании расправы и стали презрительно плевать Оре в пах. Хряк восторженно и громко барабанил.

– Ну, всё, довольно! Угломонитесь! – Гиידа в моментально

наступившей тишине с чавканьем дожевала змеиную голову, проглотила её вместе с зубами и черепом и встала со своего трона. – Я отрублю тебе твою руку! И дам убежать из Гроттоскама ко всем чертям, которых ты расцелуешь от радости! Но отныне каждому моему подданному, кто поймает тебя наверху и притащит обратно сюда, я буду дарить одну твою отрубленную часть! И снова отпускать к чёртовой матери! И снова ждать, пока изуродованный обрубок – Оре поймают и приволокут ко мне за уцелевшую конечность! И так до тех пор, пока две самых старых и сморщенных гномихи не передерутся из-за твоих яиц!

Уроды пронзительно завизжали, от радости стали плясать и облизывать друг друга.

Оре от ужаса и боли раскалился почти целиком. Никогда с ним доселе такого не случалось, и это напугало его едва ли не сильнее всего Гроттоскама. Оре казалось, что он начинает плавиться, – с него кусками сыпалась обугленная земля.

– Приказываю! – Гида достала из-за щеки несъеденный змеиный язык и высунула его как собственный. – Смерть! Начнись! Да поспешит карета в Ад!

Гида завертела змеиным языком, барабан забился пуще прежнего, а уроды дружно повторяли: «Шаг к Смерти! Ещё шаг к Смерти!»

Гигантский палач с рогом на лице подошёл к Оре, ломая под своим весом могучий камень. Ржавым топором величинной с телегу он замахнулся и разрубил три цепи, сковывав-

ших Оре. Четвёртую он отрубил вместе с раскалённой рукой.
– Убирайся, тараканишка без лапки!
Оре завыл от боли и рванул прочь, по пути обжаривая тела
глупых уродцев, желавших поймать его прямо здесь.

Утрата

Оре вылетел из Гроттоскама с горящим обрубок. Он был окончательно предан людьми. Последним местом, куда ему стоило бы бежать и прятаться, была его родная пещера. Но именно в неё Оре стремился как в утробу матери. Больше доверять ему было некому. Хоть и родная пещера однажды его уже не спасла.

Подбежав к ней, Оре забрался на холм и громко завыл, озаряя своим свечением весь лес:

– О-О-О-ОР-Р-Р-РЕ-Е-Е!!!

Оре очнулся под дубом у своей пещеры точно с похмелья, опухший от слёз. Ему было больно смотреть на свой обугленный обрубок. Обрубок болел и зудел до самого сердца. Быть может, когда-нибудь Оре смог бы смириться с утратой руки, если бы вместе с ней не выдрали и кусок его сердца. Казалось, что всё его тело росло именно из него.

Оре попытался присесть повыше, уныло повесив свою тяжёлую голову, как вдруг кусты недалеко зашевелились.

– Кто здесь?! – очухался Оре.

Из кустов беспечно вывалились двое путников:

– А я ему: «Сам ты овощ!» – и окунаю рожей в суп!

– Стой, кто идёт?!

Путники замерли, увидев знакомое чудище у знакомой пещеры.

– Погодите-погодите, – прервал его Юм, – мы с Дюмом прошлялись уже чёртову тучу вёрст от твоей пещеры, почему мы опять оказались возле неё?

– Открою вам секрет, друзья: мы в сновидении автора. Это просто одна из его странностей, ничего особенного!

– А, ну, ясно!

– Всё в порядке, продолжаем! Стой, кто идёт?!

Путники замерли, увидев знакомое чудище.

Оре вскочил и по привычке приготовил левое плечо к удару. Да вот только теперь оно стало невыносимо лёгким.

– Тебя, кажется, слегка недостаёт, – произнёс Юм, не смыкая выпученных глаз.

Оре был сломлен, чтобы защищаться. Он чувствовал себя ничтожеством и воображал, будто всё вокруг его презирает.

– Я всё ещё могу вас прикончить, тараканы! – прорычал Оре дрожащим голосом и сам ему не верил.

– Ты вроде бы всего-то на руку полегчал, – страх Дюма испарялся при виде побитого цербера, – а выглядишь так, будто бы эта рука тебе единственным другом была!

– Да он, небось, единственной невесты лишился! – осмелел Юм.

Оре отвернулся, стыдливо пряча свой обрубок, и лишь буркнул через плечо:

– Убирайтесь! Убирайтесь прочь!

– Эй, друг, ты чего, шуток не понимаешь? Не кипятись ты! Наш отец ноги лишился – сосной придавило. И дядя без пальцев на ногах: уснул, дурень, в лесу – гномы быстренько ему ступни подъели! Нормальное дело для наших мест!

– Вы от Гииды? – надрывался голос Оре. – Вы Гиидовы щенки, да?!

– Что за чушь ты несёшь? Ясное дело, нет!

Оре повернулся к ним лицом и развёл в стороны руки.

– Хотите кусок свежеиспечённого Оре?!

Дюм заметил, что в этот раз его грудь была черна и холодна.

Взгляд Оре тоже не светился. Он был тёмным, отчаянным и мокрым.

– Да чтоб вы им подавились! – Оре рухнул на камень, повесил голову и закрыл её руками.

– Дай-ка я, – шепнул Юму Дюм. – Кажется, ему и правда худо.

Дюм подошёл к Оре.

– Нет, мы не от Гииды. Я Дюм, а это мой братец Юм, оба мы родом из деревушки Хоффш Карлаанского графства. Мы готовимся сражаться с Гиидой и ищем талисман. Без него нам не справиться, вот мы и шатаемся по миру!

– И мы вовсе не хотели тебя раздосадовать! – Подбежал Юм. Он осторожно положил руку на плечо чудищу, и на этот раз оно оказалось холодным. Юм в страхе отдернул руку.

– Это Гииды? Она убила тебя? Ты уже мёртв?! Отвечай!

Дюм сел рядом с чудищем. Чудище сидело неподвижно. Никто не шевелился в полной тишине. И Оре начал потихонечку рычать:

– Я жил в этой пещере, сколько себя помню. Мне кажется, я и родился в ней. Когда-то, когда я был ещё мальчишкой, мне приснился сон. В нём были добрые-добрые глаза отца, а я был обычным весёлым мальчиком. Потом раз – и меня точно бросили в омут. Я проснулся здесь. Чудовищем. Куском мёртвого камня – настоящим сыном пещеры. С тех пор я ни разу больше не видел таких добрых человеческих глаз! Почти ни разу... Этот сон часто снился мне. И каждый раз я просыпаюсь чудищем, по уши в омуте своей никчёмной пещерной жизни.

– Но мы твои друзья, прошу, поверь нам! – взмолился Юм. – Если это Гида тебя искалечила, то в таком случае у меня с ней личные счёты!

– Мы никогда в жизни не встречали существ, равных тебе. Клянусь! – продолжил Дюм. – Без тебя нам не справиться! Ты знаешь здесь всякий камушек и одолеешь любого сторожа или зверя! Вместе мы добудем талисман и вернём тебе руку! Как зовут тебя, человек из пещеры?

– Человек? Ха-ха! Ваши люди знают меня как Оре – Железная Скала!

– Оре?! – Выпучил глаза Юм. – Тот самый Оре?! Я с детства обожал легенды о тебе, но и мечтать не мог свалиться тебе на голову! Мы теперь с тобой тоже братья! Братья ка-

менного шлепка – как тебе? Так ты с нами?

– Всё лучше, чем сидеть и горевать без толку. – Оре поднял голову. – Одолеть Гииду, говорите? Согласен! Только нельзя терять ни минуты! Лишь стемнеет – за мной при- тащатся её гиены, чтобы оттяпать от меня ещё кусочек!

– Тогда полный вперёд! – Вскочил Юм. – А по пути я расскажу тебе, как залечить твою рану! Уж я-то умею! Видишь, какой я целый? А говорят, что я уже 100 раз должен был убиться!

– Поговорить он умеет, не сомневайся. Только вот... – Дюм замялся. – Почему ты теперь холодный?

– Видишь ли, – начал Оре, скрывшись в пещере, чтобы умыть лицо в ледяной воде перед дорогой, – вместе с рукой отрубили и часть моей души. Моё сердце будто бы разорвали напополам, и теперь оно больше не бьётся. – Оре вернулся с ног до головы мокрый, со стекающими с волос струями воды.

– Плохи дела, – огорчился Дюм, покуда Оре отряхивался, как медведь, – но пока оно и к лучшему. Сейчас и правда лучше бы тебе не светиться!

Меч

Гида приказала собрать свой безобразный народ на площади. Гида стояла на своём троне неподвижно и величественно перед галдящей толпой. Но вот царице угодливо поднесли меч. Гида вознесла его над головой и обратилась к своим уродам:

– Этот меч выкован из руки того самого Человека-Руды! Это самый несокрушимый металл из всех известных нам! Грядёт война, в которой мы одержим победу! И отныне только мы будем жить под солнцем! Но для победы нам всем нужно смертоносное оружие! Те, кто будет раз за разом при-
таскивать ко мне тело Человека-Руды, – но только в одиночку одолев могучего Оре и обхитрив остальных гроттоскамцев, – будут считаться лучшими воинами и в награду получают меч, копье или кинжал, скованный из отрубленной в честь поимщика железной плоти!

Уроды радостно затопали. Но в этот момент Гида вдруг ясно почувствовала, как рукоять меча стремительно нагревалась и начинала жарить ей руку. Грозная царица несколько не изменилась в лице и не выдала своему народу дьявольскую боль, что еле терпела. Царица держала разъедающий кожу меч высоко над головой всё то время, пока уродцы прыгали от радости. Когда все наконец утихли, Гида опустила чудовищное оружие, но не выронила жалящий меч из рук.

Она спокойно покинула трон и ушла в свою земляную опочивальню, велев страже не провожать её. Меч она унесла с собой вместе с тайной о его жутком характере.

Землистое царское ложе

Гида стояла перед куском разбитого зеркала в своей опочивальне. Она поглядела на свою обожжённую руку – та долго и с трудом заживала. Гида надела толстую кожаную перчатку на здоровую кисть и ухватила её за проклятый меч.

Гида ловко встала в боевую стойку, остриём меча пригрозив своему отражению. Меч оставался холоден. Тогда царица начала осторожно и медленно размахивать им, пристально следя за рукоятью. В объятиях мёртвой свиной кожи меч оставался таким же мёртвым. Гида ухмыльнулась, довольная собой, думая, что разгадала загадку хитрого меча. Она стала вертеть им всё ловчее и размашистей, не сдерживая злорадную улыбку своего триумфа. И тут меч внезапно вырвался у неё из рук и врезался остриём точно в зеркало, метко раскрошив самодовольное отражение царицы.

Гида сама точно раскалилась от ярости и с криком ударила кожаным кулаком в уцелевший кусок зеркала.

– Живо приведите ко мне кузнеца Тигота! И притащите с ним любую из нильбертильских девок! Вон! – прокричала царица, громко распахнув каменную дверь своей опочивальни.

Стража расторопно зазвенела битыми доспехами, удаляясь по приказу царицы. Вскоре двое стражников привели к ней кузнеца и приволокли испуганную чумающую девочку.

Девчонка не шевелилась, лишь чуть дрожала от страха и долгого голода, будучи украденной в одной из нильбертильских деревень и заточённой с другими ворованными детьми.

– Заприте за нами дверь!

Тяжёлая каменная дверь захлопнулась за приволочённой парочкой. Повисла гробовая тишина.

– Как он себя вёл? – Гида указала пальцем на привязанный к щиту толстыми ремнями меч, не желая больше к нему прикасаться.

Лучший кузнец Гроттоскама Тигот испуганно посмотрел на царицу. Казалось, он тут же понял, о чём она ведёт речь. К тому же Тиготу нечем было прикрыть своё чумазое тело, сильнее обычного изъеденное гнилыми обожжёнными ранами.

– Очень неподатлив, госпожа. Такого своенравного металла я в жизни не встречал!

– Но всё-таки сковал!

– С трудом, моя госпожа. Я грешил на твёрдость и непослушность странного железа. И на своё неумение...

– Он пытался тебя ранить? Он сопротивлялся тебе?!

– Боюсь показаться сумасшедшим, моя госпожа. Но, кажется, именно это он и делал всё время моей работы над ним!

Царица с презрением опустила веки и поджала губы. Ей было стыдно. Гида неистово гневалась внутри себя, что простак Оре её так облапошил.

– Возьми его! – сказала она Тиготу, не глядя на меч.

– Как прикажете, моя госпожа! – с дрожью в голосе послушался Тигот.

Кузнец подошёл к щиту и храбро расслабил все ремни. Достал меч и на мгновение залюбовался им, озарённый блеском и чистотой собственной работы. Тигот перевёл восхищённый взгляд на гневающуюся царицу. Она не разделяла его радости.

– Убей её. – Царица указала ногой на сидящую в углу девочку.

Тигот опешил.

– Убить девочку?

– Да! – Гида повысила голос. – Зарежь эту чёртову дергунскую суку!

Сальные волосишки девочки, скрывавшие лицо и прижатые к нему колени, тряслись от страха и ужаса.

– Ты что, гадёныш, никогда не приканчивал детишек? – насмехался едкий голос царицы.

Тигота передёрнуло. Гида смотрела на него бешеными чёрными глазами.

– А уплетаешь за обе щёчки на моих пирах жаркое из детских потрошков!

Тигот раздул от ярости ноздри. Он выдохнул и уверенно пошёл с мечом на продрогшую от страха девочку. Тигот резко замахнулся, но тут меч выскользнул у него из рук да хорошенько полоснул самого Тигота по спине! Оставив глу-

бокую рану, меч соскользнул с чумазой спины Тигота и вылетел в черное окно прочь из спальни царицы. Окно выходило на чёрный подземный тоннель со сточной грязной рекой. Меч с лязгом упал и стремительно уплыл по течению.

– Проклятье! – завизжала царица, считая всё на своём пути.

Раненый точно хлыстом Тигот из последних сил держался на коленях перед Гиидой.

– Прикажете догнать его? Да я из него канделябр скую!!

– Нет! Пусть проваливает и перерубит пол-Нильбертилля к чёрту! Так я и знала! Этот меч живой! В нём часть живой души этого выродка Оре! И она будет творить что захочет, будучи даже вазой!

Царица ревела. Вскоре она уgomонилась, понизила голос и грозно добавила:

– И никто не должен знать!

– А как нам быть с Оре? Что мы дадим в награду поймавшим его?

– Скуёшь обычные мечи! И пусть довольствуются своим плацебо! Никто ничего не заподозрит! А нильбертильскую суку!.. – Гиيدا с отвращением бросила взгляд на девочку, точно виноватую во всём. – Я задушу лично!

– Позвольте мне, госпожа! – поспешно возразил ей Тигот. – Искупить мой промах! Я ведь меч упустил, а её так и не прикончил!

Гиيدا с сомнением посмотрела на кузнеца.

– Ну, забирай, – пролепетала она и ушла в раздумья, раздосадованная тем, что не выместила злость на девчонке.

– Открывайте! – Гиида бахнула, не глядя, кулаком по каменной двери и скрылась во тьме опочивальни.

Дверь распахнули, и раненый Тигот, не подавая тревожного вида, поспешно покинул опочивальню царицы, унеся с собой девочку.

Находка

Глухая и ясная ночь легла на деревушку Хоффш. Зловещая тишина, казалось, жадно пожирала даже робкие стрекотания сверчков. Тигот, страшась лунного света, выполз из-под земли с мешком на плече. Ночь была как назло ясной, и тысячи звёздных глаз с укором впивались в Тигота. Он не видел их уже много лет. Но звёзды, как и тогда, хором кричали: «Вот он! Вот он! Всё равно убийца!»

Тигот нёс мешок, пробираясь в высокой траве, пока не вышел на луг. Где-то вдаль мелькало несколько лучинных огней, иногда срывавших одеяло тьмы с тела спящей деревни.

Тигот положил мешок на сырую траву и прошептал ему: «Вот и всё!» Одним движением развязал верёвки и испарился, скрывшись в траве. Лунный свет озарил в распахнутом мешке тело девочки. Девочка была жива.

Неподалёку на лугу слышались испуганные крики:

– А! Оно шевелится! Шевелится!

– Там, в траве!

– Я говорил вам – доиграемся и выманим дьявола!

Несколько юношей и девушек, баловавшихся колдовством ночью на лугу, побросали свой ведовской инвентарь и осторожно зашагали с лучинами к шевелящейся траве.

– Да это всего лишь девочка! – Рыжая девушка в сером платье первая осмелилась подойти к перепугавшему всех

мешку. Девочка сидела в нём, прижав колени к груди, и боялась вылезти.

Рыжая девушка осторожно прикоснулась и приподняла запястье девочки.

– На ней тату не нашей деревни! Как тебя зовут и где твой дом?

Девочка бегло и звонко выпалила:

– Флея! Меня украли из Кирпия! – и часто задышала, всё ещё остерегаясь, не совершила ли ошибку, выдавая себя незнакомцам.

– Меня зовут Ирэя. Мы тебя спасём.

Расправа

Спустя время Гида вновь послала стражу за Тиготом. На этот раз царица нежилась в бассейне и велела привести кузнеца прямо сюда, в свою тайную баню – единственное место в пещерах Гроттоскама, куда пробивалась чистая вода.

– Ты убил дергунскую суку? – пролепетала размякшая Гида, услышав шаги пришедшего. Она сидела к нему спиной в чистом каменном бассейне. Её обнажённое тело было непривычно белоснежным под голубым светом.

– Я здесь, моя госпожа. Я выполнил данное вам слово.

– Мне нужна её кровь. В качестве доказательства! Где следы её крови? Приведи меня к ним. Я их узнаю по запаху этой мерзкой твари.

– Но я придушил её, госпожа! Простите меня, я всего лишь хотел исполнить ваше собственное пожелание. Придушить её!

– Кто видел, как ты её душишь?

– Никто, моя госпожа. Девчонка могла проболтаться, и я спрятал её в чулане.

– Она всё ещё там?

– Нет, моя госпожа.

– Где же её поганый труп?

– Я скормил его волкам. Нам понадобятся соратники в войне, и я решил, что будет славно прикормить подоспевших

на запах хищников.

– Ты решил?! Я не распоряжалась! – грозно повысила тон Гида, продолжая игриво водить пальцами по прозрачной водяной глади.

– Простите, моя госпожа. – Тигот склонил голову так, чтобы это стало заметно по его изменившемуся голосу. – Я заслужил наказание.

– Наказание, – ухмыльнулась Гида, вставая и выходя из бассейна. Кристально прозрачная вода стекала по её голубой коже при лунном свете, пробивавшемся сквозь дыры откуда-то сверху. – Ты прекрасно знаешь, что наказанием за кормёжку волчат дёшево отделаешься!

Её обнажённое, голубое в свете Луны тело походило на призрака.

– Как звали тех волков, что пришли за добычей?

– Не могу знать, моя госпожа. Я тайно оставил тело наверху, у входа в пещеру!

– Как же тогда, чёрт подери, они узнают, что это дар от царицы?! – вспылила Гида, оголив клыки. Её белые зубы оказались вовсе не гнилыми.

– Но я оставил им записку, где...

– Хватит! Твоя ложь теряет изящество!

Гида обошла Тигота кругом.

– Я не вижу твоих глаз! Я не понимаю, лжёшь ты или говоришь правду! Ты весь испачкан сажей. Умойся! Умой лицо в моём бассейне!

Гида улыбнулась и поманила Тигота пальцем к своей каменной ванне.

Тигот боялся подвоха. Он знал только, что стража была далеко – они с Гидой были одни в этой секретной беседе. Но Тигот утешил себя тем, что, подойдя ближе к бассейну, он хотя бы сумеет разглядеть, откуда пробивается свет и удастся ли ему бежать. Тигот послушно подошёл к бассейну, встал перед ним на колени, медленно нагибался и внимательно вглядывался в отражение потолка. Он не спеша опустил ладонь вниз, чтобы зачерпнуть воды.

В этот момент Гида схватила Тигота за чёрные сальные патлы и окунула в воду с головой. Тигот в ужасе решил, что та его потопит. Но, лишь чуть-чуть подержав под водой, Гида достала испуганную голову Тигота обратно на свет. С волос стекала чёрная сажа, а под ней проступила блестящая седина.

– Ты немного старше, чем хочешь казаться. – Гида отошла в сторону от мокрого разоблачённого пса Тигота. – Чёрт меня дери! Да тебе столько лет, что ты мог позабыть всю свою жизнь! Позволь, добрая царица напомнит её тебе, покорный мой старичок! Ты и правда смог убить ребёнка! Много лет назад ты угробил своего сына, не отдав младенца королю, – последнее, что с тебя можно было взять. Казнить тебя, а тем более содержать в тюрьме было бы дороже, чем держать на воле, и даже опасно! Ведь ты мог о столько дерьма выболтать сокамерникам! Да и как казнить перед народом

честного и нищего вдовца? Кто поверит, что он сам прибил своего сына, а не ворвавшаяся к нему разъярённая стража? В такое-то время, когда даже церкви осаждались недовольными. Нет! Исключено! Да к тому же на тебе всё ещё можно было недурно нажить! У тебя в рукаве водилось столько полезных трюков! Вот тебя и заперли в уютных подвалах королевского замка, под самое королевское крылышко – плодить своих знаменитых зелёных фей для короля и его гостей! Благодаря твоему пойлу было одурачено и одурманено столько иностранных послов, заключено столько выгодных афер, отдано твоему королю столько чужих графств на съедение, что Нильбертилль расцвёл и раскинул свои жадные лапы над чужими землями! Бедные крестьяне вынуждены были бороться уже не с королём, а с нами, порабощёнными и жестокими чужеземцами. Браво! С нас – свежая дань, народу – занятая друг другом злость! Твоя заслуга? Конечно же, тебя щедро содержали и поселили в палаты для царской прислуги! Хорошо кормили и дорого платили. Ты тепло устроился – для убийцы собственного сына! И предателя собственного народа, некогда готового заступиться за твою жизнь перед королевской плахой! Это здорово грызло тебя все эти годы, разъедало внутренности – как черви хитирии наши земли. И ты не выдержал. Сорвался и бежал от хорошенькой жизни! К нам. В тюрьму и отшельничество. Отбывать свой заслуженный срок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.